

Общая газ. - 1995-
27 июля - с. 11

СВОЁ

«Зоопарк»: слишком человеческое

И А ЭТИ СЛОВА меня навело почти что случайное, на последние деньги, приобретение сразу трех альбомов Майка Науменко: «Уездный город N», «LV», «Белая полоса». До вчерашнего дня слушать песни Майка мне приходилось, в основном, в исполнении никому не известного басиста мало кому известной группы «Стена». Плюс то, что «присвоил» Гарик Сукачев. В последнее время «Зоопарк» стали крутить по радио — видно, вышел компакт. Ну и — вот результат.

Вообще говоря, поступок мой меня потряс, и я задумалась о мотивах. Неужели же Майк мне нужнее, чем «Новое литературное обозрение» № 12 или третий том сочинений Иосифа Бродского? О хлебе насущном вообще молчу.

Где-то посреди «Уездного города N» меня озарило: у Майка находишь то, что некогда из русской литературы перетекло в русский рок, а сейчас, в связи со всеобщей игрой в декаданс, и вовсе сошло на нет.

«Я обычный парень... Говорить со мной — то же самое, что говорить с тобой». Способность не поэтической латынью, а живой человеческой речью, без пафоса, охватывать вещи, касающиеся всех. «Ванная — это место, где можно остаться совсем одному... А

главное, никто не видит, чем ты занят здесь: то ли режешь вены, то ли просто блюешь».

Дело не в тоске по утраченной простоте и не в критическом реализме. Это — аллергия на преобладающую вялость и увлечение мертвечиной. Я в курсе, что главное — «письмо». И привыкла ценить то, как, а не то, что. Но что-то же должно быть в тексте, чтоб его просто хотелось пройти до конца. Обеспеченность вербального — человеческим, к примеру.

Следы жизни в тексте, благодаря которым о любой вещи проще и точнее сказать цитатой, чем «своими», все равно — чужими, словами. Переводимость текста в текст, текста в то, что мы называем жизнью, и обратно. Человек из подполья примется вдруг объяснять словами Цоя: «Ты понимаешь, что мне было трудно сдержаться. Мне надо чем-то лечить душевные травмы». Возможность идентификации. Почему до сих пор слушают «Она идет по жизни смеясь»? Потому что всякой барышне приятнее сказать о себе вот так вот эстетизированно, чем перебирать несчастья, спрятанные под дежурной улыбкой. Даже «не пей вина, Гертруда, пьянство не красит дам» знакомые мне дамы стали повторять о себе, услышав. К случаю вспоминаются мгновения нашей повседневной

речи, остановленные рок-текстами: от «уходи, я тебя не люблю» В. Цоя до «are you strong enough to be my man?» Шерил Кроу. Естественность интонации, какую редко позволяют себе тексты, не рассчитывающие на музыку.

Всегда и везде найдется девчонка, о которой голосом Майка сказано: «Дрян». «Нет, ты не тот человек, с которым я способен жить... Ты спишь с моим басистом и играешь в бридж с моей женой... Тебя снимают все подряд, и тебе это лестно, но скоро другая займет твоё место». «Денег не было и нет, и я не знаю, где их найти...» — и ты уже боишься упустить слово.

Майк умеет внушить доверие: уж он-то, в отличие от них всех, понимает тебя. «Нам всем нужен кто-то, кто бы нас любил. И если хочешь, я полюблю тебя... Я дам тебе шанс, и ты сможешь дать мне мой».

Нехитрый прием. Человеку надо, чтоб было куда пойти. «Когда твои друзья уйдут, чтоб никогда не вернуться, может быть, в этот день ты зайдешь ко мне». Самое время. Майк организует тебе экскурсию по уездному городу и своей ванной комнате, в которой ему тоже не раз приходили в голову забавные мысли.

Ольга КУЗНЕЦОВА